

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Ирина Градова

ЧУЖОЕ

сердце

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Рысухиной*

Градова, Ирина.

Г75 Чужое сердце / Ирина Градова. — Москва :
Эксмо, 2020. — 320 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-113830-1

В отдел медицинских расследований, где работает Агния Смольская, поступила информация о мальчике, найденном в кафе и доставленном в одну из городских больниц. Его родители заявили: их сына похитили три месяца назад. Обследовав мальчика и отца с матерью, Агния и ее коллеги сделали шокирующее открытие: он не может быть их сыном. Супруги ни о чем не подозревали: да, они прибегли к ЭКО, но были уверены, что растят родного ребенка! Следы этой запутанной истории привели в одну частную клинику. Там успешно помогали людям, которые никак не могли завести ребенка, однако, похоже, этим их деятельность не ограничивалась...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-113830-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

2000 год

Даша посмотрела на мужа — впервые за все время, что они находились в кабинете доктора Селиванова. Петр выглядел удрученным, но она с изумлением заметила, что в его глазах отсутствовало то отчаяние, которое, вероятно, сейчас читалось в ее собственных. Муж то ли не понимал всей серьезности происходящего, то ли считал, что власть и деньги действительно могут ВСЕ! Обычно так оно и было, но... Не сейчас, нет, только не сейчас!

— Пересадка возможна? — спросил Петр, обращаясь к врачу.

Георгий Андреевич Селиванов уже давно стал практически членом семьи, более того, он являлся личным другом Петра, но даже он понимал, что, как бы ни старался, шансы найти подходящего донора очень невелики.

— Понимаешь, — осторожно ответил он, — я этого не исключаю, однако... Вы же не забыли, с каким трудом нам удавалось добыть кровь для переливания? Редкая группа, отрицательный резус. С почкой, боюсь, возникнет та же проблема. Во-первых, как вы сами знаете, существует очередь...

— К черту очередь, Гоша! — взревел Петр, приподнявшись и нависнув над врачом. — Ты мне это говоришь? МНЕ?!

Конечно, он прав, с тоской подумал врач. Будучи одним из основных спонсоров клиники, Петр Авраменко сделал для маленьких пациентов столько, что подсчитать его заслуги не представлялось возможным. С другой стороны, стал бы он этим заниматься, не окажись его собственный ребенок в тяжелом положении? Что-то подсказывало Георгию: нет. Селиванов никогда не заблуждался на этот счет, ведь Петр — бизнесмен, большую часть времени думающий лишь о капиталовложениях и прибылях, и в его натуре склонности к благотворительности ровно столько, сколько необходимо, чтобы обеспечить сыну надлежащий уход и соответствующее отношение медперсонала. Тем не менее каковы бы ни были его мотивы, их нельзя сбрасывать со счетов. И именно Георгию выпало тяжкое бремя донести до приятеля печальную весть о том, что мальчику, скорее всего, он помочь не сможет. Однако прежде чем он собрался с мыслями, Петр сказал:

— Сколько?

Селиванов даже не сразу понял смысл вопроса.

— Что — сколько? — переспросил он.

— Да брось! Сколько нужно, чтобы передвинуть очередь и поставить Витьку в самое ее начало? Ты же знаешь, деньги не имеют для меня значения.

— Прекрати, Петя! — сдвинув брови, потребовал врач. — Если бы дело шло только о деньгах, я так и сказал бы тебе, поверь! Дело, к сожалению, не только в этом. По-моему, ты не понимаешь...

— Не понимаю?! Да, я действительно не понимаю, почему, потратив чертову тучу бабок на твою богадельню, я не могу получить то, что мне требуется!

— Не надо, Петя... — начала Даша, пытаясь поло-

жить руку на плечо мужа, но он с неожиданной злобой оттолкнул ее и продолжил:

— Я знаю, как делаются такие дела, можешь мне сказки не рассказывать. Разве такая большая проблема достать почку для пересадки? Ежедневно в стране гибнут тысячи детей, и я ни за что не поверю, что мой собственный ребенок станет одним из них просто из-за какой-то *очереди!*

— Ты меня совсем не слушаешь, — вздохнул Селиванов, устало снимая очки и потирая веки. — Дело даже не в этой пресловутой очереди — с ней я еще мог бы что-то сделать. Проблема в том, что достать *нужную* почку очень трудно. У Вити уже состоялась одна пересадка — и отторжение, и это несмотря на то, что, казалось, все соответствовало необходимым требованиям. Я даже не уверен, что, найди мы снова подходящую почку, мальчик переживет повторную пересадку...

— Это не твоя печаль, Гоша! — прервал друга Петр. — Ты просто найди мне почку. Витька сильный, он очень хочет жить, понимаешь? Он выдержит!

Селиванов с тоской посмотрел на Дашу. Она, похоже, прекрасно понимает, что сделать ничего нельзя. Если бы решал он, то им вообще не следовало жениться — слишком неудачное сочетание генов. Однако какие же пары приходят к врачу перед свадьбой, чтобы выяснить, насколько хорошо они друг другу подходят? Даша еще молодая, она может родить, и не раз, вот только стоит ли это делать? Где гарантия, что со следующим ребенком не произойдет то же, что и с Витей? Георгий всегда с трудом переживал неприятную обязанность сообщать родите-

лям о том, что у их детей практически нет шансов на выздоровление, но в этот раз все по-другому: Петр — его друг. Что ж, если он так хочет, возможно, у Георгия и получится предоставить мальчонке второй шанс, но вот гарантировать благоприятный исход он не сможет. Черт, да сам господь бог не смог бы этого сделать в таких обстоятельствах!

* * *

С самого начала идея начать изучение английского показалась мне абсурдной. Когда тебе почти сороковник, разве можно мечтать о том, чтобы по-настоящему освоить иностранный язык? В школе я изучала французский, более того, он плохо мне давался, и я никогда не получала по этому предмету больше тройки! Тем не менее у меня и в самом деле появилось больше времени: меньше часов в больнице, никаких заданий от ОМР, и даже замужняя жизнь, ничуть не изменившая мой привычный образ существования, а ведь именно этого я и боялась больше всего.

Честно признаюсь, я никогда не жила так хорошо, как в последние месяцы, и материальный аспект играл в этом немаловажную роль. Олег хорошо зарабатывал, да и деньги от ОМР здорово изменили наше благосостояние в лучшую сторону. Мы могли бы даже поехать отдыхать в какое-нибудь экзотическое место, если бы не постоянная занятость Шилова и невозможность оторваться от рабочего места. Раз в неделю я стала посещать салон красоты, записалась в бассейн — в общем, получила возможность расслабляться, чего раньше никак не могла себе позволить. Беготня по частным пациентам, установка капельниц, уколы, бесконечные ночные дежурства в надежде подработать — все это осталось в прошлом.

Но человек удивительно быстро привыкает к хорошему, а потому я, признаться, уже начинала скучать. Свободное время оказалось мне не так уж и нужно, ведь Олег занят, Дэн большую часть времени предпочитает проводить с друзьями, а я, получается, должна сама искать, чем бы себя занять? Странно, но раньше я мечтала о том, чтобы работы было поменьше, а теперь маялась от безделья, потому что в больнице проводила не больше трех дней в неделю. Конечно, я могла бы взять больше часов, но тогда моя деятельность в Отделе медицинских расследований оказалась бы под угрозой, ведь для выполнения времени от времени поступающих поручений приходилось бы постоянно отпрашиваться у заведующей отделением. Кто станет держать такого врача? С одной стороны, я чувствовала, что отдыхаю и высыпаюсь, с другой — моя деятельная натура требовала дела, работы, напряжения, а все это как раз и отсутствовало!

Именно это обстоятельство подвигло меня на то, чтобы обратиться к бывшей старосте нашей группы, Лене Изюмской. Она давно звала меня на кафедру в мед, а я все кормила ее «завтраками». Преподавание всегда меня привлекало. Мама до выхода на пенсию являлась директором школы, папа преподавал в университете, и я стала первой, нарушившей семейную традицию и посвятившей жизнь медицине. Видимо, гены все же дали о себе знать. Я люблю заниматься со студентами, поэтому практикантов в отделении обычно всегда поручают мне, зная, что я, в отличие от большинства врачей, не посчитаю занятия с ними обузой, а с удовольствием пообщаюсь с молодежью. Присутствие студентов всегда действует на меня положительно, так как среди них я и сама

начинаю чувствовать себя гораздо моложе своего возраста, а это, как вы понимаете, положительно влияет на мою нервную систему и самооценку.

Итак, Лена с радостью восприняла мое решение попробовать преподавать на кафедре меда и тут же нашла мне место. Часов, правда, пока было всего шесть, то есть три лекционные пары, но это-то как раз пришлось мне на руку: требовалось появляться на рабочем месте всего раз в неделю. Так как я являюсь кандидатом медицинских наук, в ближайшем времени меня могло ожидать место доцента. Кроме того, Лена заметила, что мне следует «развиваться и расти», а потому, возможно, следовало подумать о докторской диссертации. Работая в профильном вузе, написать ее гораздо легче. Эта мысль немного меня повеселила: вот будет номер, если я стану доктором раньше, чем Шилов, ведь он, занятый своей новой должностью заведующего, практически забросил научную работу!

Однако пока мои планы вовсе не простирались так далеко, достаточно и простого преподавания. Оно позволит мне постоянно держать себя в тонусе и потребует чтения профессиональной литературы, чтобы быть в курсе новейших разработок в своей области. Не секрет, что большинство врачей теряют связь с наукой, полностью погружаясь в практику. Прохождение квалификационной комиссии в большинстве случаев является чистой формальностью, хотя и здорово действует на нервы тестируемого, но ничуть не повышает его мотивацию к познанию чего-то нового. К сожалению, в наше тяжелое время врачам, как и работникам других специальностей, приходится в первую очередь беспокоиться о хлебе

насушном, отсюда и нежелание развиваться в профессии.

Вот тут-то у Шилова и родилась мудрая мысль о том, что мне прямо-таки необходимо выучить наконец хоть какой-то из основных европейских языков. Конечно, можно было продолжить с французским, но неприятные школьные воспоминания навсегда отбили у меня охоту его изучать. Шилов в совершенстве владеет немецким, так как учился и некоторое время даже работал в Германии, но он твердо сказал, что за его изучение мне не стоит даже браться: слишком сложно. И мы остановились на английском — все-таки язык международного общения. Большинство профессиональных материалов издаются именно на нем. Интернет, опять же, весь на английском, что значительно облегчает доступ к необходимой информации. Ну и немаловажную роль сыграло то, что, с точки зрения студента, английский гораздо легче большинства европейских языков!

Вот так и получилось, что я вновь села на студенческую скамью — никак не думала, что когда-нибудь решусь на подобный эксперимент! Олег сам нашел мне курсы. Преподавание велось по новой методике, не предполагавшей усиленной зубрежки, а практически целиком основанной на живом общении. В группе было семь человек разного возраста — от двадцати пяти до шестидесяти лет, и я втайне порадовалась, что являюсь не самой старшей, так как боялась оказаться среди детей и подростков, которым, в отличие от взрослых, учение обычно дается легко. Как выяснилось буквально на первом занятии, нам очень повезло с преподавателем. Им оказалась симпатичная стройная женщина примерно моего возраста.

та. Звали ее Елена Вадимовна Красина, однако, увидев, что группа состоит из взрослых людей, она тут же предложила отбросить в сторону формальности и называть ее просто Леной. Разумеется, мы с радостью согласились. Лена сумела сделать так, что нам стало интересно на ее занятиях. Мы быстро сдружились, начали встречаться и в неучебное время. Это предложила именно наша преподавательница. Частенько мы приходили к ней домой. Лена жила с престарелой матерью и восьмилетним сынишкой Владиком. Занятия проходили три раза в неделю, а раз в две недели мы обычно шли в кафе или ресторан, где общение протекало, по возможности, на английском языке. Сначала это выглядело довольно примитивно, так как мы знали слишком мало, чтобы поддерживать полноценную беседу, но со временем я поняла, что желание высказаться непременно влечет за собой дополнительную работу, которая не кажется трудной именно потому, что тебе действительно *хочется* донести свою мысль до окружающих. Так как общаться по-русски Лена категорически запрещала, нам приходилось как-то выходить из положения. В результате примерно через четыре месяца я смогла худо-бедно читать журналы — со словарем, конечно, но это уже казалось мне огромным прогрессом. С разговорной речью дело обстояло куда лучше, и моя самооценка здорово выросла по сравнению с началом курса. Учеба стала для меня не только способом получения знаний, но и своеобразным клубом по интересам. Шилов со смехом замечал, что я променяла один вид деятельности на другой и мы по-прежнему видимся мало. Однако, так как в этом есть и его вина, Олег не пытался жаловаться: проводя слишком

много времени на работе, он никогда не приходил домой рано, и я почти всегда оказывалась там раньше его, несмотря на занятия, бассейн и прочие дела.

Вот и сегодня, в субботу, Олегу пришлось ехать в больницу, а у меня должны были состояться очередные «посиделки» с группой. Как обычно, я на несколько минут опоздала, и к моему прибытию все уже сидели в кафе «Каприз» неподалеку от набережной Фонтанки. К моему удивлению, Лена еще не появилась: обычно она приходит одной из первых. Тем не менее мы заказали кофе и болтали в ожидании педагога. По прошествии двадцати минут один из моих одноклассников, мужчина чуть за пятьдесят, с беспокойством сказал:

— Надо бы позвонить Елене, а то вдруг что случилось по дороге?

Мы так и сделали. К телефону никто не подошел. Наше хорошее настроение постепенно улетучивалось. Выпив несколько чашек кофе, мы мрачно разошлись по домам. Меня не покидало неприятное ощущение того, что с Леной наверняка что-то случилось, ведь никогда до этого она нас не подводила. Тем не менее произойти могло все, что угодно, и во все не обязательно — трагедия. Для себя я решила, что вечером обязательно позвоню Лене и выясню, почему она не пришла на запланированную встречу.

Дома, как обычно, нашлась масса дел, требующих моего немедленного вмешательства. Теперь я и сама путаюсь, какое именно место называть домом — квартиру Олега или свою собственную. Я характеризую этот факт положительно. Раньше я просто не могла подолгу оставаться у Шилова, меня постоянно тянуло домой, а у него я чувствовала себя не в своей

тарелке, как в гостях. Чтобы изменить мое отношение, сразу же после свадьбы Олег предложил мне заняться обустройством нашего «семейного гнездышка». Надо признать, это действительно помогло. Я принялась носиться по магазинам в поисках мебели, так как Олег за все время проживания в этой квартире не озаботился покупкой самого необходимого. Я приобретала все — от кресел до занавесок, от кухонных принадлежностей до скатертей и ковриков в прихожую. В результате моими стараниями жилище преобразилось до неузнаваемости, а я, создавая свою причастность к этому, начала воспринимать квартиру Олега как свою собственную. По своему старому адресу я теперь бывала только для того, чтобы пообщаться с мамой, сыном и Кусей, моей огромной черной терьершей. Я надеялась перевезти собаку на новое место жительства, и Олег не возражал, так как и сам любит животных. Однако мои родичи встали стеной на защиту своего права на Кусю, и мне пришлось удовольствоваться лишь кратковременными свиданиями с моей «бывшей» собакой. Но я отвоєвала себе право время от времени забирать ее к себе!

Когда я практически уже закончила с домашними делами, включавшими уборку и стирку, Шилов позвонил с работы и предложил пообедать в ресторане. После обеда нам пришло в голову сходить в кино — сразу на два сеанса, так что домой добрались лишь к десяти вечера. Я решила, что еще не поздно позвонить Елене, так как в такое время кто-то обязательно должен быть дома. Трубку сняла ее мама. На мой вопрос, не случилось ли чего, женщина извинилась и скупно ответила, что сын Лены неожиданно заболел,